

Вера – слово (лексема) современного русского языка, восходящее к древнейшему индоевропейскому корню «wēg» (истина, правда), имеющему богатейшую семантику, представленную в теологической, философской и художественной литературе.

Слово «вера» в системе Google можно найти в 38 700 000 документах (на 01.12.2014). В ресурсе «Национальный корпус русского языка» можно обнаружить 3 362 документа и 18 085 вхождений, причем «пики» приходится на 1848 (1), 1980 (2) и 1866 (3), при этом в XXI веке его употребление явно снижается.

Сегодня это слово может иметь три содержательно дифференцирующихся друг от друга значения: 1) «высокое», т.е. «учение» («кредо», «догматика») Русской Православной Церкви (другого влиятельного «традиционного» религиозного объединения), способное помочь человеку (дать «надежду сверх надежды») «утвердиться в Вечности»; 2) «профанное» («верование», «поверье»), как «народная», «детская» и «наивная» надежда на реальность Деда Мороза, «домового», «целителя», «волшебника» и т.п., т.е. «актеров», способных поддержать в «этой жизни»; 3) аспект личности, сама способность «надеяться сверх надежды», «воображать невообразимое», дифференцируемые от «знания» и «науки» («научных идеалов коммунизма», «прогресс человечества» и т.п.).

В древнейшем этимологическом значении слово «вера» («wēg», истина, правда) относилось к разделу «хозяйство», это была не «вера во что-то», но убеждение в практической «магической силе», которую можно «передать другому без всякого риска для себя», поскольку «доверяемая вещь вернется к нему обратно» по принципу «я тебе, ты мне».¹ Исторически слово «вера» (вѣра) зафиксировано в первых отечественных письменных источниках, к примеру, в «Слове о Законе и Благодати» (1037-1050) и «Повести временных лет» (1037-1118), где доминирующим является объективное значение, т.е. «вера» понимается как «принадлежность к учению и

¹ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов.: Пер. с фр./Общ.ред и вступ. Ст. Ю.С. Степанова М.: Прогресс-Универс, 1995. С. 128.

юрисдикции» Кафолической еkkлeсии (Вселенского патриархата), при этом искренняя «надежда на Бога» способна «вернуться обратно» как чудесное преобразование конкретного индивида, возведение его высшим основам бытия. Такая «Вѣра» носила принудительный характер, попытки фактического «выхода из веры» расценивались как государственное преступление вплоть до 1905 год. Эта семантика обогащалась вплоть до конца XIX - начала XX веков, когда возникает философско-антропологическое понимание «веры» как важнейшей (наряду со «знанием», «разумом») способности индивидуального «духа».

Советский период характеризуется значительным обеднением этой семантики и появлением «светского» истолкования в качестве основного, сводящего «веру в Бога (бога)» в одну категорию с «верой в мировую революцию», «верой в чорта» и «верой в научную гипотезу» (Д.Н.Ушаков,1935). Вера, с одной стороны, объявлялась главным признаком всякой «религии», которая, как считалось, «отмирает» (как «слепая убежденность в существовании сверхъестественного мира»), тогда как, с другой, предпринимались попытки сконструировать философский термин «вера», поскольку признавалась необходимость «веры в конечное торжество идеалов коммунизма», воплощенной в образах «героев» литературы и кино. В этой связи философами советского периода предпринимались попытки дифференцировать «веру религиозную», («слепые суеверия», «антипод знания») и «научно обоснованную веру» (в «построение коммунизма»). С.С.Аверинцев отметил, что понятие «веры» применимо отнюдь не к «религии как таковой», но только к «некоторым религиозным системам», в которых вера выступает как «центральная мировоззренческая позиция и одновременно психологическая установка», совпадая с границами «теологии» (богословия), в отличии от религий «греко-римского или синтоистского язычества», где такого понимания нет, поставив вопрос о евроцентричности этого понятия. П.Тиллих признал, что «вера – это понятие и это реальность, которую трудно ухватить и описать ... это не феномен в

ряду других, но это центральный феномен в жизни человеческой личности, явный и скрытый одновременно».

В современной России фактически присутствует «плюрализм веры», т.е. сложилось многообразие как юрисдикций (самоуправляющихся религиозных объединений), так и «субкультур» в самих юрисдикциях (поляризация на «фундаменталистов» и «либералов» и т.п.). В этих условиях возникают такие, фиксируемые социологическими опросами, но «экзотические» (с точки зрения ряда священнослужителей РПЦ МП и социологов) формы, как «православные верующие», из которых 20% может «не верить в Бога», до 50% и более не знают «символа веры», «10 заповедей» или даже имени патриарха Московского и всея Руси, никогда не исповедующиеся и т.п.. Такая ситуация возникает в обществе, где нет одного «авторитетного центра», имеющего власть и возможности регламентировать все это разнообразие, поскольку государство признает конституционный принцип «свободы совести», когда именно гражданин решает, что здесь и сейчас «близко духовно» его «душе, сердцу и совести», будь то юрисдикция с тысячелетней историей, всемирно известные фильмы А.Тарковского или «распиаренный» телевидением очередной «сильный экстрасенс».

В таком контексте слово «вера» в научных текстах используется для обозначения:

1. психолого-мировоззренческих особенностей адепта религии, осознающего и переживающего свою причастность к «таинственному», «Богу», «Сакральному», «Вечному» и т.п. («мистически» или «доктринально» воспринимаемому); такая «вера» могла оцениваться как «двоеверие», «ересь» «фанатизм» или «мракобесие»; в СССР термин выступал для маркирования «элемента мировоззрения» той части населения, которая воспринималась в качестве членов «религиозных объединений верующих граждан всех культов», которых было важно эмпирически «идентифицировать», «маркировать» (церковники-мракобесы/фанатики-сектанты/колеблющиеся) и создать

- условия для их «атеистического воспитания» (включавших не только «посещение лекций», но «СЛОН», «психушки» и т.п.);
2. «доктрины» («кредо») учения, разработанного «элитой конфессии», в России – вероучение РПЦ; такой вере можно «обучить», к ней можно «принудить», ее можно «учредить», «изменить», «исказить», «избрать», «навязать» или «подорвать», можно «приказать» или «заставить» в нее верить, от нее можно «отказаться» (в переносном смысле – любое «учение», в т.ч. «марксизм»);
 3. психолого-мировоззренческих особенностей каждого человека, осознающего и переживающего свою причастность к «непостигнутому», «бытию», «Светлому Будущему» и т.п. («эмоционально» или «беспристрастно» переживаемому «надзиранию за неизвестным»), как искреннего, свободного, творческого, открытого и интуитивного «упования» на то или иное «устроение бытия», «близкое душе, совести и сердцу», как на загадку, которую надо ежемгновенно разгадывать, в противопоставление «науке», и вообще «знанию» как принудительному, доказательному и неотвратимому «объяснению» (т.е. сведению неясного к ясному, т.е. «доктринальному»)); такой вере нельзя «обучить», к ней невозможно «принудить», ее не получится «учредить», «изменить», «избрать», «исказить», «навязать» или «подорвать», в нее невозможно «приказать» или «заставить» верить, от нее нельзя «отказаться»; в условиях «унитарной идеологии» («казенное православие» или «казенный атеизм») предпринимались попытки описания и контроля некоторых из необозримого множества форм «индивидуальной духовности», динамично возникающих, интегрирующихся или исчезающих (М.Н.Эпштейн,1993).

В отличие от слова «вера», слово «верование» используется для обозначения:

1. «поверья», «народной веры» («двоеверия», «суеверия»), «страхов» перед «домовыми», «привидениями» и т.п. в отличие от «веры» как образованного класса или институционального «вероисповедания» (приверженности обязательной и принудительной государственной религии, ее «учению», «догматике», «символу веры»);
2. вероисповедания «иноверцев» и «инославных», когда говорят про «верования» католиков, протестантов, «язычников», «колдунов», «шаманистов» или «идолопоклонников», противопоставляемых «своей Вере»;
3. Собственно «религиозные представления» как таковые, когда, к примеру, утверждают, что «Йога — это практическая философия, а не религия, и она не требует приверженности к какой-то особой системе верований»; в СССР включается в юридический дискурс (ст. 52 Конституции СССР, 1977 г.: «Возбуждение вражды или ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается») как все, что не является «научно-атеистическим мировоззрением», т.е. как «кредо», так и «народная религия» любых «культовых объединений»;
4. «паранаучные (псевдонаучные)» или «гипотетические» представления о реальности.

Слово входит в широкое употребление в XIX веке в рамках отечественных исторических, этнографических и фольклористических исследований «верований народа», «творчества народного гения» и т.п.. Исследователи признавали, что, к примеру, «догматика Кафолической еkkлeсии эпохи Вселенских соборов» (рассматриваемая как объяснения, «доктрины», которым не просто «верят», но строгими приверженцами которых стараются быть, и которая сама себя не считает тождественной как с «верованиями народа», с «народным православием», так и с «представлениями» многих других народов, «язычников»), типологически отлична от «верований» не знавших детально разработанных теологических

доктрин, как, к примеру, это и сегодня представлено в Японии, где многие предпочитают «действенные практики» (ритуалов, культов) почитания или подчинения — целительство, магические, гадательные и т. п. «обряды», часто вообще не имеющие никаких «вероучительных объяснений» (теологических или мифологических).

В СССР, где все религии были только «верованиями», противопоставляемыми «глубокой вере в торжество идеалов коммунизма», философами, филологами, этнографами и историками предпринимались попытки размежевать «религию» (мировые религии) и «мифологию» (первобытные верования). В последние десятилетия XX века «верованиями» начинают именовать как модные «увлечения» псевдонаучными и иррациональными феноменами как таковыми («астрологией», «спиритизмом», «телекинезом», «паранормальными способностями» и т.п.), так и «интуитивные теории основ бытия» («упования», «озарения», «предчувствия»), которые следует «подкрепить фактами», рассеив «сомнения» и «заблуждения», что позволит выработать «знания» как подтвержденные «гипотезы» («Человек до сих пор представляет не столько существо знающее, сколько верующее. В отличие от животных, не имеющих ни знаний, ни верований, человек составляет теории по воду каждого, почему-либо его интересующего явления»).